

НЗИИ

«ОТСТАИВАЯ себя, критик имеет шанс остаться» — так Игорь Золотусский заканчивает предисловие к книге своих избранных статей «Монолог с вариациями». Резкое, как почти всегда у него, похожее на стремительный выпад авторское заявление сжато воплощает характер и темперамент талантливого критика, чей монолог мы с нарастающим интересом слушаем вот уже четверть века. Подчеркнутая независимость критического суждения, предстающего в открыто личностном письме, ориентирована на художнический стиль. Вообще отстаивание нефункционального назначения критики и есть, судя по всему, творческая позиция И. Золотусского.

Позиция, безусловно, спорная, не всеобъемлющая и уязвимая. Здесь искусство критики противопоставляется ее широкому и неизбежному «чернорабочему» долгу перед литературой, когда отстаивать литературу — и, значит, отстаивать себя. Но ведь И. Золотусский говорит о себе, о своем самоопределении. В статье «Мозаика» он пишет: «Судьба критики нелегка, тем более нелегка судьба одного критика. Он поневоле ограничивает себя. Дар ясновидения, дар видеть всю даль процесса дается немногим». И. Золотусский сознательно ограничивает себя, как он говорит, «дробными чертами», «мозаикой литературного процесса». Но он видит или стремится видеть «всю даль» духовного процесса, который совершается в нем самом, связывая критика со всем развитием литературы.

Всепоглощающим предметом внимания критика, героем его монолога становится не непосредственно литература, но собственная духовная жизнь, вбирающая литературу в той мере и с той стороны, в какой благодаря литературе происходит творческое движение автора. «А что может быть дороже, чем собственное мнение в нашем ремесле?» — спрашивает И. Золотусский. И здесь мысль намеренно заострена, потому что собственное мнение, как и талант, считается естественно подразумеваемой предпосылкой работы критика, а дороже всего «в нашем ремесле», наверное, любовь к литературе, предан-

ность литературе. Конечно, И. Золотусский прекрасно это понимает, и не случайно слово «любовь» является одним из самых частых, пожалуй, ключевых слов в его книге. Но признаемся себе, что «собственное мнение в нашем ремесле», в критике, до сих пор нередко остается желанным идеалом.

Тип критика-артиста, выбирающего, о чем писать, лишь в соответствии со своим сегодняшним переживанием и в соответствии с масштабом собственной задачи, сложился в противовес достаточно распространенной «сфере обслуживания» — комплиментарной

ноголом критика. На целостность и синтетизм литературы критик отвечает целостным же сплавом прямого личностного суждения, соединяющего оценки социологические, эстетические, нравственные в едином человеческом высказывании-поступке. Можно соглашаться или не соглашаться с критиком (например, мне кажется, что автор сильно преуменьшил нравственное, очищающее значение прозы Ю. Трифонова, не посчитался с законами поэтики А. Вознесенского), но спорить с ним возможно только на личностном уровне.

«Суверенность» пронизывает изнутри статьи И. Золотусско-

го всего — в бесконечность русской литературы. Это наш общий порыв к русской классике, возрастающий с каждым годом. И. Золотусский цитирует высказывание М. М. Бахтина: «Выясняется, что всякий действительно существенный шаг вперед сопровождается возвратом к началу («изначальность»), точнее, к обновлению начала». Первым значительным опытом такого возврата явилась у И. Золотусского статья «Добавление к эпосу (Толстой в романе и Толстой в фильме)». Начало было положено, и без постоянного общения с нашей отечественной классикой становилось невозможно жить

МОНОЛОГ КРИТИКА

рецензионности, бескрылой обзорности, унылой перечислительности. Отсюда, по-видимому, и настороженные декларации И. Золотусского, защищающего свою самостоятельность: «Свобода выбора, свобода первого впечатления, свобода писания — вот мои постулаты в критике».

Такой путь отвечает духу времени, нуждающемуся в критике, внутренне равновеликой литературе и говорящей с художником на одном языке, уверенной в своем праве так говорить, критике, которая была бы читаема, услышана читателями и писателями. Метод И. Золотусского — в пересоздании художественной реальности и в построении параллельной ей критической реальности, включающей в себя оценку и толкование, но сохраняющей атмосферу искусства. Критик словно бы присваивает себе мир писателя и заново одушевляет этот мир своей волей и своим пристрастием — начинается сотворение самостоятельного мира, представляющего интерес критического открытия (главы «Монолог с вариациями»: «Там, на войне» — о книгах и героях М. Шолохова, К. Симонова, Э. Казакевича, Ю. Бондарева, Г. Бакланова, В. Быкова, С. С. Смирнова, «Мозаика», «Разин у Шукшина», «Час выбора»...).

Рецензии, посвященные книгам современной прозы, собраны в «Мозаике». Здесь рассматриваются «Привычное дело» В. Белова, «Городские» повести Ю. Трифонова, «деревенская» проза Б. Можая, интеллектуальные романы Энн Ветемаа, «морская» проза В. Конечного... Это диалог с писателем, завершающийся мо-

го, почему они и составляют единый монолог, который обладает своим сюжетом и развивается по собственным законам, выражающим объективную основу и социальную значимость личностного начала этой критики. Я бы назвал ее автобиографической — осуществлением не только литературного, но и жизненного поступка, от которого зависит само существование критика — героя и автора монолога в едином лице.

Критик, поглощенный злободневными проблемами, всегда вправе опасаться, что его сочинения покажутся будущим читателям «устаревшей схемой допотопного паровоза». Разумеется, критика вместе со всей литературой проходит испытание временем. Но корабли критики больше, чем корабли поэзии и прозы, нагружены сиюминутным, стареющим материалом. Однако талант в своей творческой реальности сохраняет штрихи прошлого, делая их поучительным свидетельством духовной жизни общества, уроком пройденного современниками пути.

Своеобразная монография «Фауст и физики» была, вероятно, первой серьезной попыткой критика углубленно перечитать классическое произведение — «Фауст» Гёте. Критик решил пройти школу великого сюжета и в своей работе намеренно прибегает к пересказу, будто учась говорить о философских проблемах. Трагедия Гёте приноравливается к спорам нынешних физиков, ее горный ландшафт выравнивается. Но все это делается упорно, одержимо.

Критик менялся по мере углубления в классику, и преж-

и писать. «В эти годы мою жизнь пересекла большая работа — книга о Гоголе», — рассказывает И. Золотусский в предисловии «От автора». Приближение этой работы явственно ошутимо в «Монологе с вариациями».

Критик вместе со всей литературой почувствовал, как он говорит, «сладость зависимости, родства с тем, что ей предшествовало», потребность опереть «независимость» на основания культуры, освоенной во всем разнообразии своих богатств. Отсюда «перескоки из эпохи в эпоху», вторжение голосов классики в разговор о современной литературе. В свете грандиозных проблем, завещанных русской классической литературой, критик по-новому читает произведения М. Булгакова, Ф. Абрамова, А. Вампилова, В. Распутина, Ч. Айтматова, В. Шукшина, Ю. Домбровского, В. Белова, А. Битова... Гуманистическая миссия русской литературы наполняется актуальным, животрепещущим смыслом. Такие статьи, как «Разин у Шукшина» или «Постижение стихии», пишутся во всеоружии исторического, историко-литературного, социального знания, под знаком Памяти и Родины.

Творческим миром критика владеют имена Пушкина, Гоголя, Белинского, Достоевского, Толстого, Чехова... Но ведут они к современности. В его статьях вольнее дышится, глубже думается: речь, когда-то телеграфная, жесткая, обрастает ветвями и листьями многосторонней мысли. Монолог продолжается...